
Константин КОМАРОВ

* * *

Множество — не значит мужество —
осознал сегодня я.
По итогу — обнаружится
в сердце варево вранья.

Беспонтовая история,
обмелевшая казна.
Тракторная траектория —
тупикова ли?.. Как знать...

Но звенит в ушах мне арией,
пробирая позвонки,
аритмическая армия
стройки подлинной строки.

И бряцает утро шпорами,
только встань и ноги вдень.

И встает уже за шторами
одиноким новым днем.

* * *

Вновь стаканчик мой полон,
а во рту — Аризона.
С полок падает Поллок,
принакрыв Аронзона.

И в коробках — репринты
промокают, как порох,
и печатает принтер
белоснежных партнеров.

Никнет кровопролитно
кропотливая осень
и просительным литром
проседает, как проседь.

Константин Маркович Комаров родился в 1988 году в Свердловске, окончил Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина, кандидат филологических наук. Как поэт и литературный критик публиковался в журналах «Дружба народов», «Урал», «Звезда», «Нева», «Октябрь», «Знамя», «Новый мир», «Вопросы литературы», «Юность», «Дети Ра», «День и ночь» и др. Участвовал в совещании молодых писателей в Липках, Зимней школе поэтов в Сочи, поэтических фестивалях в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Челябинске и т. д. Автор нескольких книг стихов и сборника литературно-критических статей «Быть при тексте».

Словно цех потогонный,
патогенный двухсложник,
впасть во власть по такому
по тарифчику — сложно.

Кашу снов сердце месит
и мерцает бесплатно —
не мессия, но Месси
мне в экране квадратном...

* * *

Сегодня так великолепен
погодной пагоды каркас,
что молибденовый молебен
дождя — как Откровенья глас.

Ветвится по всему разлитый
пороговый осенний свет.
Грядет событие развития,
которому названья нет.

Все сдержаннее содержание
сознания поименных пойм,
и мысли, словно каторжане,
уходят от меня толпой.

Слова стрекочут, как поленья,
я ими немоту топлю
и скоро жизнь переболею,
и напрочь смерть перебелю.

* * *

Билеты в болото ночного сиянья
в карман уложив, словно тело в кровать,
мы едем, а значит — едим расстоянье,
и Нестор не стер бы наш путь в эту гать.

И колются звезды у нас под лопаткой,
и дерево длится в короне корней,
как будто песочек под детской лопаткой —
грибные горбы неизбежных огней.

И наш разворот от мгновений разврата,
от подлой, неподлинной ясности их
побитой обидой, утертой утратой —
всю ночь заполняет — от сих и до сих.

Мы в зренье и знание свалили от цирка
обильных оболочек на мертвых глазах.

Как жаль, что расцвет подступает на цырлах,
чтоб в нас подселить смертный скатертный страх.

Так пусть же, любимая, сон нам приснится,
где взрыва не будет, где порох промок.
И в свете болотистом вдруг прояснится
последнего слова небесный порог.

* * *

Сам в себе не властен,
мучаюсь в тоске —
вроде бы и в ласке,
но на волоске

от того, чтоб мысли
в слово превратив,
на строке повиснуть,
как презерватив.

Что мне нагадают,
что возьмут займы
рифмы-снегодия
медленной зимы?

Кто перебегает
мне дорогу вновь?
Кто перегибает
палкой злую кровь?

Нет чтоб тихой сапой
гимны бы кропал...
А в такой вот саспенс
сапиенс попал...

* * *

Полемики поломкой, эссенцией сенсаций
мерцает винегретный и жуткий Интернет.
Но ищущие вещи готовы обознаться,
брезгливо и брюзгливо они идут на нет.

И в эпосе постелей здесь пас, как пес, полезен,
когда тебя готовы печатать-почитать.
Насильник мой, насельник, поэзия — болезнь,
задатком для загадки тебе уже не стать.

Во зле пустого зала шкворчит литература,
в ненастье ненасытном она червей черней,
в продольности предельной растёт температура.
Разбей же гаджет, гад же! И оставайся с ней.